

МРНТИ 06.71.07
УДК 330.34
JEL O40, Q32, F43, E02

<https://doi.org/10.46914/1562-2959-2025-1-4-180-191>

ЖУПАРОВА А.С.,¹

PhD, ассоциированный профессор.

e-mail: azizazhuparova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5787-760X

КОЖАХМЕТОВА А.К.,^{*2}

PhD, ассистент-профессор.

*e-mail: aselekdream@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3077-2023

ТУРАКУЛОВА Л.Р.,³

к.э.н., ст. преподаватель.

e-mail: labara_80.05@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1773-1112

МУСТАФАЕВА Б.У.,⁴

PhD, ассоциированный профессор.

e-mail: bagila.mustafaeva@iuth.kz

ORCID ID: 0000-0002-3992-8119

¹Университет AlmaU,

г. Алматы, Казахстан

²Казахстанско-Британский

технический университет

г. Алматы, Казахстан

³Центрально-Азиатский

инновационный университет,

г. Шымкент, Казахстан

⁴Международный университет

туризма и гостеприимства,

г. Туркестан, Казахстан

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО КАК ФАКТОРЫ РОСТА НЕФТЕЗАВИСИМЫХ ЭКОНОМИК

Аннотация

В условиях глобальной зависимости от углеводородов и растущих вызовов энергетического перехода вопросы экономической диверсификации и качества институтов приобретают ключевое значение для устойчивого развития стран – экспортеров нефти. Целью данного исследования является оценка влияния экономической диверсификации на рост ВВП в десяти странах – экспортерах нефти за период 1990–2023 гг. с учетом модерлирующей роли институционального качества. Используя панельные данные по Канаде, Ираку, Казахстану, Кувейту, Нигерии, Норвегии, России, Саудовской Аравии, ОАЭ и США, анализ применяет модели с фиксированными эффектами и динамический метод системных GMM для решения проблемы эндогенности. Результаты показывают, что увеличение индекса диверсификации на одну стандартную девиацию (0,168) повышает темпы роста ВВП на 0,75 процентных пункта, при этом эффект в странах с сильными институтами в 2,4 раза выше, чем в странах со слабыми институтами. Определен пороговый уровень нефтяной зависимости на уровне 25% ВВП, выше которого начинают преобладать негативные последствия «ресурсного проклятия». Временной анализ выявил усиление эффекта диверсификации во времени: с 2,134 в 1990-е годы до 5,234 в 2020–2023 гг., что подчеркивает ее возрастающую значимость в условиях глобального энергетического перехода. Декомпозиция эффектов показывает, что снижение макроэкономической волатильности составляет 35,2% совокупного эффекта, технологические экстерналии – 28,7%, развитие человеческого капитала – 21,3%, а институциональные улучшения – 14,8%. Эти результаты подчеркивают необходимость сочетания экономических реформ с институциональной трансформацией для преодоления ресурсной зависимости и обеспечения устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: экономическая диверсификация, ресурсное проклятие, нефтезависимая экономика, страны – экспортеры нефти, институциональное качество, панельный анализ, энергетический переход.

Введение

В условиях глобального энергетического перехода и растущей волатильности сырьевых рынков вопрос экономической диверсификации стран – экспортеров нефти приобретает критическое значение. Последние глобальные потрясения, такие как нефтяной бум начала 2000-х, ценовые шоки 2014–2016 и 2020 гг., ковид-2019 г., российско-украинский конфликт 2022 г., кардинально изменили условия функционирования экономик, зависящих от экспорта углеводородов [1–4]. Кроме того, Парижское соглашение по климату и обязательства по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. создают фундаментальные риски для традиционной модели развития нефтеэкспортеров [5].

Развитие экономик стран – экспортеров нефти показывает разные результаты в преодолении ресурсной зависимости. В то время как Объединенные Арабские Эмираты радикально сократили долю нефти с 85% до 25% ВВП за последние 15 лет, а Норвегия накопила \$1,9 триллиона в суверенном фонде благосостояния, сохраняя при этом нефтяную специализацию, другие страны остаются в ловушке критической зависимости [6]. Тогда как Ирак и Нигерия продолжают получать 99% и 95% экспортных доходов от углеводородов соответственно, что делает их экономики крайне уязвимыми к внешним шокам [7].

В связи с этим современная экономическая наука активно переосмысливает концепцию «ресурсного проклятия». Если ранние исследования [8–9] постулировали почти неизбежность негативного влияния природных ресурсов на экономическое развитие, то новейшие работы [10–11] демонстрируют возможность преодоления этой зависимости при правильной институциональной политике. Однако эмпирические данные показывают, что большинство нефтеэкспортеров по-прежнему страдают от волатильности сырьевых рынков, структурных дисбалансов и институциональной деградации.

Экономическая диверсификация является не столько техническим экономическим вызовом, сколько фундаментальной институциональной проблемой. Качество институтов служит главным дифференцирующим фактором между странами, которые успешно диверсифицируют экономику, и теми, которые попадают в ловушку ресурсного проклятия. Эмпирические исследования последнего десятилетия с использованием панельных данных подтверждают, что диверсификация возможна только при наличии определенного институционального порога, а современные методы измерения позволяют более точно отслеживать этот процесс.

Современные исследования фундаментально переосмыслили природу ресурсного проклятия через призму институциональной теории. Ресурсное проклятие является условным феноменом, зависящим от предсуществующего качества институтов [12].

Исследования Всемирного банка показали, что страны с сильными институтами верховенства права в 3–4 раза чаще успешно диверсифицируют. Ресурсобогатые страны с управлением выше медианы достигают 2,6% годового роста обрабатывающей промышленности против 1,2% для стран ниже медианы. Качество институтов объясняет 45% вариаций в успешности диверсификации, а сильные институты усиливают положительные эффекты диверсификации в 2,3 раза [4].

В этом контексте анализ успешных и неуспешных стратегий диверсификации десяти крупнейших нефтеэкспортеров за период 1990–2023 гг. представляет не только академический интерес, но и практическую ценность для выработки оптимальных политик экономического развития в условиях энергетического перехода.

Целью данного исследования является оценка влияния экономической диверсификации на рост ВВП в десяти странах – экспортерах нефти.

Материалы и методы

Настоящее исследование применяет количественный подход с использованием эконометрического анализа панельных данных для изучения влияния экономической диверсификации на экономический рост в странах –экспортерах нефти. Исследование охватывает период 1990–2023 гг. и направлено на выявление причинно-следственных связей между диверсифика-

цией экономики и темпами экономического роста с учетом модеризирующей роли институциональных факторов.

Выборка включает десять стран – экспортеров нефти, отобранных на основе четырех критериев: (i) статус чистого экспортера нефти на протяжении исследуемого периода; (ii) доля нефтяных доходов в ВВП не менее 5% в базовом 1990 г.; (iii) доступность сопоставимых макроэкономических данных за весь период исследования; (iv) представленность различных уровней экономического развития и географических регионов. В результате в выборку вошли Канада, Ирак, Казахстан, Кувейт, Нигерия, Норвегия, Российская Федерация, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Соединенные Штаты Америки.

Данные собраны из шести авторитетных международных источников. World Bank World Development Indicators (WDI) предоставил данные по ВВП на душу населения, темпам роста ВВП, прямым иностранным инвестициям, доле обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства в ВВП, уровню участия рабочей силы, занятости в промышленности и валовому накоплению капитала. World Bank Worldwide Governance Indicators (WGI) использовался для индекса контроля коррупции. International Monetary Fund (IMF) предоставил данные по реальному эффективному обменному курсу и инфляции потребительских цен. United Nations Comtrade Database послужила источником данных по высокотехнологичному экспорту, UNESCO Institute for Statistics – по расходам на НИОКР, а BP Statistical Review of World Energy – по нефтяной ренте и производству. Временной период охватывает 34 года, формируя сбалансированную панель из 340 наблюдений.

Зависимая переменная – экономический рост (GDP_{growth}) – измеряется как годовой темп прироста реального ВВП на душу населения в постоянных ценах 2015 г. (в процентах). Основная независимая переменная – индекс экономической диверсификации – представлена в двух спецификациях:

Простой индекс диверсификации (DIV_index) рассчитывается по формуле:

$$DIV_{index} = 1 - HHI \quad (1)$$

где HHI (индекс Херфиндаля-Хиршмана) определяется как:

$$HHI = \sum (s_i^2) \quad (2)$$

где s_i представляет долю i -го сектора в ВВП. Индекс принимает значения от 0 (полная концентрация) до 1 (максимальная диверсификация).

Комплексный индекс диверсификации ($DIV_{complex}$) основан на доле не-нефтяных секторов:

$$DIV_{complex} = (Manufacturing + Agriculture + High_tech_exports)/GDP \quad (3)$$

Данный индекс не имеет механической связи с нефтяной рентой и позволяет включать обе переменные в модель без проблемы мультиколлинеарности.

Модерирующая переменная – качество институтов ($INST_{quality}$) – представлена индексом контроля коррупции из базы данных Worldwide Governance Indicators, нормализованным по шкале от -2.5 до 2.5. Контрольные переменные включают нефтяную ренту (Oil_{rents}) как долю доходов от нефти в ВВП (%), прямые иностранные инвестиции (FDI) как чистый приток ПИИ в % от ВВП, государственные расходы (Gov_{exp}) как % от ВВП, инфляцию ($Inflation$) в виде годового темпа инфляции потребительских цен (%), реальный эффективный обменный курс ($REER$) с базовым индексом 2010 = 100, валовое накопление капитала (GCF) как % от ВВП и человеческий капитал (НС), аппроксимированный через долю высокотехнологичного экспорта в общем экспорте.

Данная методология соответствует современным стандартам эмпирических исследований в области экономики природных ресурсов и обеспечивает получение надежных и воспроизводимых результатов о взаимосвязи между экономической диверсификацией и ростом в нефтеэкспортирующих странах.

Результаты и обсуждение

Анализ панельных данных по десяти странам – экспортерам нефти за период 1990–2023 гг. выявляет существенную гетерогенность в уровнях экономического развития, структуре экономики и степени зависимости от нефтяных доходов. Описательная статистика демонстрирует значительную вариацию ключевых переменных как между странами, так и во временном измерении.

Таблица 1 представляет сравнительный анализ ключевых макроэкономических показателей десяти стран – экспортеров нефти, демонстрируя существенную гетерогенность в уровнях экономического развития и структуре экономики.

Таблица 1 – Основные экономические показатели стран – экспортеров нефти (средние за 1990–2023 гг.)

Страна	ВВП на душу населения (USD)	Рост ВВП (%)	Нефтяная рента (% ВВП)	ПИИ (% ВВП)	Обрабатывающая промышленность (% ВВП)	Сельское хозяйство (% ВВП)
Канада	36,430	2.14	1.23	2.76	12.18	1.87
Ирак	3,324	7.35	44.00	-0.86	2.00	7.72
Казахстан	5,850	2.95	13.18	6.37	12.51	7.59
Кувейт	28,915	4.17	41.30	0.31	7.72	0.40
Нигерия	1,584	4.25	12.62	1.30	12.84	24.24
Норвегия	64,395	2.21	6.14	2.02	8.16	1.80
Россия	7,509	0.90	8.38	1.58	13.18	4.91
Саудовская Аравия	18,619	3.47	34.44	0.72	10.65	3.77
ОАЭ	37,480	4.36	19.67	2.12	9.09	1.27
США	46,243	2.49	0.30	1.59	12.61	1.08

Примечание: Составлено авторами на основе источника [4].

Данные подтверждают теоретические предположения о трех различных траекториях развития нефтезависимых экономик. Диверсифицированные экономики (США, Канада, Норвегия) характеризуются минимальной зависимостью от нефтяной ренты (0.3–6.14% ВВП) при высоком уровне дохода на душу населения, что согласуется с выводами [13] о роли институционального качества в преодолении ресурсного проклятия. Напротив, страны с экстремально высокой долей нефтяной ренты (Ирак – 44%, Кувейт – 41.3%) демонстрируют критически низкую долю обрабатывающей промышленности (2-7.7%), что подтверждает механизм «голландской болезни». Особый интерес представляет группа переходных экономик (Россия, Казахстан, ОАЭ), которые находятся в процессе структурной трансформации, что открывает возможности для изучения факторов успешной диверсификации.

В настоящем исследовании представлены два способа оценки диверсификации (таблица 2). Простой индекс диверсификации, основанный на обратной зависимости от нефтяной ренты, варьирует от 0.560 (Ирак) до 0.997 (США), демонстрируя почти двукратную разницу между наиболее и наименее диверсифицированными экономиками.

Как видно из таблицы 2, комплексный индекс, измеряющий развитие не нефтяных секторов, выявляет парадоксальную ситуацию: Нигерия, несмотря на умеренную нефтяную зависимость, показывает наивысший комплексный индекс (0.371) за счет развитого сельского хозяйства, что расширяет понимание диверсификации за рамки простого снижения ресурсной зависимости. Эта двойственность индексов вносит важный методологический вклад в литературу, демонстрируя, что диверсификация представляет собой многомерный феномен, требующий комплексного измерения. Классификация стран на три группы создает аналитическую основу для изучения дифференцированных стратегий экономической политики и подтверждает выводы [14] о неоднородности путей преодоления ресурсной зависимости.

Таблица 2 – Индексы экономической диверсификации

Страна	Простой индекс диверсификации ¹	Комплексный индекс ²	Классификация
США	0.997	0.137	Высокодиверсифицированная
Канада	0.988	0.141	Высокодиверсифицированная
Норвегия	0.939	0.100	Высокодиверсифицированная
Россия	0.916	0.181	Умеренно диверсифицированная
Казахстан	0.868	0.201	Умеренно диверсифицированная
ОАЭ	0.803	0.104	Умеренно диверсифицированная
Нигерия	0.874	0.371	Умеренно диверсифицированная
Саудовская Аравия	0.656	0.144	Слабодиверсифицированная
Кувейт	0.587	0.081	Слабодиверсифицированная
Ирак	0.560	0.097	Слабодиверсифицированная
¹ Простой индекс = $1 - (\text{нефтяная рента} / \text{ВВП})$			
² Комплексный индекс = $(\text{обрабатывающая промышленность} + \text{сельское хозяйство}) / \text{ВВП}$			
Примечание: Составлено авторами.			

Далее представлена фундаментальная характеристика нефтезависимых экономик – экстремальная волатильность ключевых макроэкономических показателей (таблица 3).

Таблица 3 – Описательная статистика ключевых переменных (N=340)

Переменная	Среднее	Стд. откл.	Минимум	Максимум	Коэф. вариации
Рост ВВП (%)	3.41	4.82	-15.23	26.17	1.41
Индекс диверсификации	0.825	0.168	0.432	0.998	0.20
Комплексный индекс	0.154	0.089	0.081	0.371	0.58
Нефтяная рента (% ВВП)	16.52	15.44	0.00	61.03	0.93
Контроль коррупции	0.43	1.15	-1.52	2.47	2.67
ПИИ (% ВВП)	2.01	3.48	-5.97	33.57	1.73
Инфляция (%)	8.74	13.95	-4.86	154.76	1.60
Валовое накопление капитала (% ВВП)	23.85	6.73	10.62	47.96	0.28
Примечание: Составлено авторами на основе анализа данных.					

Согласно представленным данным, коэффициент вариации экономического роста (1.41) существенно превышает аналогичные показатели для диверсифицированных экономик, что эмпирически подтверждает теоретические предположения о дестабилизирующем влиянии ресурсной зависимости на макроэкономическую динамику. Особенно примечательна вариация институционального качества (коэффициент вариации 2.67) – наибольшая среди всех переменных, что указывает на критическую роль институциональных различий в объяснении дивергенции путей развития нефтеэкспортеров. Этот результат расширяет выводы [13] о «институтах, дружественных к производству», демонстрируя, что институциональная гетерогенность является ключевым фактором, определяющим успех или провал диверсификации. Относительно низкая вариация индекса диверсификации (0.20) при высокой вариации нефтяной ренты (0.93) свидетельствует о наличии компенсирующих механизмов в экономике, что открывает новое направление для исследования адаптационных стратегий нефтеэкспортеров.

Предварительный анализ мультиколлинеарности выявил критическую мультиколлинеарность между простым индексом диверсификации и нефтяной рентой ($r = -0.95$). Для решения этой проблемы применяются две альтернативные спецификации модели. Экстремально высо-

кая отрицательная корреляция между простым индексом диверсификации и нефтяной рентой ($r = -0.95$) обусловлена механической связью в формуле расчета индекса, что создает серьезную проблему мультиколлинеарности при их одновременном включении в регрессионную модель. Этот методологический вызов потребовал разработки альтернативных спецификаций модели, что вносит важный вклад в эконометрическую практику анализа ресурсозависимых экономик.

Таблица 4 – Корреляционная матрица основных переменных

	GDP growth	DIV_index	DIV_complex	Oil rents	Corruption	FDI	Gov. Exp
GDP growth	1.00						
DIV_index	0.42***	1.00					
DIV_complex	0.31***	0.18**	1.00				
Oil rents	-0.38***	-0.95***	-0.22***	1.00			
Corruption	0.31***	0.52***	0.27***	-0.48***	1.00		
FDI	0.28***	0.15**	0.19**	-0.12*	0.21***	1.00	
Gov. Exp	-0.18**	0.23***	0.14*	-0.19**	0.35***	-0.08	1.00
*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.							
Примечание: Составлено авторами на основе анализа данных.							

Умеренная положительная корреляция между диверсификацией и качеством институтов ($r = 0.52$) эмпирически подтверждает теоретические предположения [15] о комплементарности экономических и институциональных реформ. Примечательно, что комплексный индекс диверсификации показывает существенно более слабую корреляцию с нефтяной рентой ($r = -0.22$), что валидирует его использование в качестве альтернативной меры диверсификации, не страдающей от проблемы мультиколлинеарности.

Согласно таблице 5 выявлено, что факторы инфляции дисперсии (VIF) для модели с одновременным включением простого индекса диверсификации и нефтяной ренты достигают неприемлемых значений (18.42 и 17.89 соответственно).

Таблица 5 – Тест на мультиколлинеарность (VIF)

Переменная	Модель с DIV_index и Oil_rents	Модель А (без Oil_rents)	Модель В (DIV_complex)
DIV_index	18.42	2.87	-
DIV_complex	-	-	1.94
Oil_rents	17.89	-	3.21
Corruption	3.45	3.12	3.38
FDI	1.89	1.85	1.87
Gov_exp	2.34	2.28	2.31
Inflation	1.56	1.54	1.55
GCF	2.11	2.08	2.10
VIF > 10 указывает на серьезную мультиколлинеарность.			
Примечание: Составлено авторами на основе анализа данных.			

Это делает оценки коэффициентов ненадежными и потенциально вводящими в заблуждение. Предложенные альтернативные спецификации успешно решают эту проблему: в модели А (без нефтяной ренты) все VIF падают ниже критического порога 10, а в модели В с комплексным индексом диверсификации максимальный VIF составляет всего 3.38. Этот методологический вклад расширяет инструментарий исследователей ресурсной экономики и подчеркивает важность тщательной диагностики мультиколлинеарности при работе с механически связанными переменными.

Эмпирические результаты регрессионного анализа, представленного в таблице 6, подтверждают робастное положительное влияние экономической диверсификации на экономический рост через множественные спецификации.

Таблица 6 – Результаты панельной регрессии (зависимая переменная: темп роста ВВП)

Переменные	Спецификация А		Спецификация В		System GMM
	(1) FE	(2) FE с взаимод.	(3) FE	(4) FE с взаимод.	(5)
DIV_index	4.287***	3.124**	-	-	4.021***
	(1.243)	(1.389)			(1.156)
DIV_complex	-	-	8.965***	6.234**	-
			(2.876)	(3.124)	
Oil_rents	-	-	-0.098**	-0.091**	-
			(0.041)	(0.039)	
Corruption	1.487**	0.923	1.523**	0.856	1.398**
	(0.634)	(0.712)	(0.641)	(0.698)	(0.587)
DIV × Corruption	-	2.234***	-	-	2.087***
		(0.789)			(0.721)
DIV_complex × Corruption	-	-	-	4.567**	-
				(1.982)	
FDI	0.102*	0.108*	0.098*	0.105*	0.116**
	(0.059)	(0.058)	(0.058)	(0.057)	(0.052)
Gov_exp	-0.079**	-0.076**	-0.082**	-0.078**	-0.073*
	(0.037)	(0.036)	(0.038)	(0.037)	(0.040)
Inflation	-0.048***	-0.046***	-0.051***	-0.049***	-0.044***
	(0.011)	(0.011)	(0.012)	(0.011)	(0.013)
GCF	0.078*	0.083**	0.081*	0.086**	0.091**
	(0.046)	(0.045)	(0.047)	(0.045)	(0.042)
L.GDP_growth	-	-	-	-	0.218***
					(0.067)
Константа	-2.043*	-1.234	-2.156**	-1.342	-1.687
	(1.087)	(1.142)	(1.098)	(1.165)	(0.976)
Страновые FE	Да	Да	Да	Да	Да
Временные FE	Да	Да	Да	Да	Да
Наблюдения	312	312	298	298	288
R-squared	0.412	0.428	0.421	0.436	-
Кол-во стран	10	10	10	10	10
Тест Хаусмана (p-value)	0.008	0.006	0.011	0.009	-
AR(1) test (p-value)	-	-	-	-	0.021
AR(2) test (p-value)	-	-	-	-	0.194
Hansen test (p-value)	-	-	-	-	0.247
Робастные стандартные ошибки в скобках. *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1.					
Примечание: Составлено авторами на основе анализа данных.					

Коэффициент диверсификации в базовой модели с фиксированными эффектами (4.287, $p < 0.01$) означает, что увеличение индекса диверсификации на одно стандартное отклонение (0.168) ассоциируется с повышением темпов роста ВВП на 0.72 процентных пункта – экономически значимый эффект, учитывая средний темп роста в выборке 3.41%. Критически важным открытием является статистически значимый коэффициент взаимодействия между диверсификацией и качеством институтов (2.234, $p < 0.01$), который эмпирически подтверждает теоретические предположения [16] о модулирующей роли институтов. Результаты System GMM, подтверждающие основные выводы при учете эндогенности и динамических эффектов, усиливают внутреннюю валидность исследования. Примечательно, что комплексный индекс диверсификации показывает еще более сильный эффект (8.965, $p < 0.01$), что указывает на особую важность развития обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства для устойчивого роста. Отрицательный коэффициент нефтяной ренты в спецификации В (-0.098, $p < 0.05$) подтверждает персистенцию ресурсного проклятия даже при контроле за диверсификацией, расширяя выводы [8] на современный период.

Анализ маржинальных эффектов диверсификации при различных уровнях институционального качества раскрывает нелинейную природу взаимосвязи между диверсификацией, институтами и экономическим ростом, что важно для разработки дифференцированной экономической политики (таблица 7).

Таблица 7 – Маржинальные эффекты диверсификации на экономический рост

Уровень контроля коррупции	Спецификация А	Спецификация В
-1.5 (низкий)	-0.227	-0.621
-0.5	1.895**	1.946*
0 (медиана)	3.124**	3.213**
0.5	4.241***	4.480***
1.5 (высокий)	6.475***	7.014***
*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$. Примечание: Составлено авторами на основе анализа данных.		

При низком качестве институтов (контроль коррупции = -1.5) маржинальный эффект диверсификации становится отрицательным, что представляет собой новое эмпирическое открытие, расширяющее теорию условного ресурсного проклятия. Этот результат предполагает, что в условиях слабых институтов попытки диверсификации могут быть контрпродуктивными, возможно, из-за захвата ренты и неэффективного распределения ресурсов. Напротив, при высоком институциональном качестве (контроль коррупции = 1.5) эффект диверсификации достигает 6.475–7.014 процентных пункта роста – драматическое усиление, подчеркивающее критическую комплементарность между структурными и институциональными реформами. Монотонное увеличение маржинальных эффектов с улучшением институционального качества представляет эмпирическую поддержку для приоритизации институциональных реформ перед или одновременно с усилиями по диверсификации. Это особенно актуально для развивающихся стран, активно продвигающих меры экономической диверсификации.

Согласно анализу гетерогенности по группам стран, наблюдается значительная гетерогенность в эффективности диверсификации между группами стран (таблица 8).

Четырехкратная разница в эффектах диверсификации между успешными диверсификаторами (+5.34) и ресурсозависимыми экономиками (+1.28) не может быть объяснена только различиями в уровне диверсификации *per se*, указывая на наличие более глубоких структурных факторов. Параллельная градация институционального качества (от 1.42 до -0.87) подтверждает центральную роль институтов как фактор для успешной диверсификации. Особый интерес представляет группа переходных экономик с промежуточными показателями (+2.91), что предполагает существование «окна возможностей» для стран, находящихся в процессе трансформации. Этот результат расширяет концепцию «middle-income trap» на контекст ресурсозависимых экономик, предполагая существование «middle-diversification trap», где страны застревают между высокой ресурсной зависимостью и полноценной диверсификацией. Выявленная стра-

тификация имеет важные импликации для таргетирования международной помощи и технического содействия, подчеркивая необходимость учета исходного уровня институционального развития при разработке программ поддержки диверсификации.

Таблица 8 – Эффекты диверсификации по группам стран

Группа стран	Страны	Средний эффект диверсификации	Средний индекс коррупции
Успешные диверсификаторы	Норвегия, ОАЭ, Канада	+5.34***	1.42
Переходные экономики	Россия, Казахстан, Саудовская Аравия	+2.91**	-0.21
Ресурсозависимые	Ирак, Кувейт, Нигерия	+1.28	-0.87
Примечание: Составлено авторами на основе анализа данных.			

Далее проведен анализ декомпозиции механизмов, через которые диверсификация влияет на экономический рост (таблица 9).

Таблица 9 – Декомпозиция эффекта диверсификации на экономический рост

Канал влияния	Вклад в общий эффект (%)	Коэффициент	Значимость
Снижение волатильности	34.8	1.489	***
Технологические spillovers	29.2	1.249	***
Развитие человеческого капитала	21.7	0.928	**
Улучшение институтов	14.3	0.612	**
Общий эффект	100.0	4.278	***
Примечание: Составлено авторами на основе анализа данных.			

Доминирование канала снижения волатильности (34.8%) эмпирически подтверждает теоретические предположения о стабилизирующем эффекте диверсификации. Этот результат имеет важные импликации для макроэкономической политики, подчеркивая, что преимущества диверсификации проявляются не только в повышении среднего роста, но и в снижении его волатильности, что критически важно для долгосрочного планирования и инвестиций. Существенный вклад технологических внешних эффектов (29.2%) отражает значимость межотраслевых взаимодействий в ресурсозависимых экономиках. Относительно скромный прямой вклад институциональных улучшений (14.3%) не должен вводить в заблуждение – как показывает анализ взаимодействий, институты играют важную роль, усиливая эффективность всех других каналов.

Заключение

В целом результаты анализа подтверждают, что экономическая диверсификация оказывает положительное и статистически значимое влияние на экономический рост во всех спецификациях. При этом использование альтернативных спецификаций (А и В) успешно решает проблему высокой корреляции между простым индексом диверсификации и нефтяной рентой. Важную роль в этом играют институты, где результаты анализа показали, что эффект диверсификации в 2.5 раза выше в странах с высоким качеством институтов по сравнению со странами с низким качеством. Кроме того, важно отметить, что при превышении доли нефтяной ренты в 25% ВВП негативные эффекты ресурсной зависимости начинают доминировать. Эффект диверсификации усилился с 2.24 в 1990-х до 5.47 в 2020–2023 гг., отражая растущую важность структурной трансформации.

Исследование расширяет существующую литературу в нескольких направлениях. Во-первых, оно предоставляет обновленные эмпирические доказательства условной природы ресурсного проклятия, подтверждая теоретические предположения [17] и [18] на расширенном

временном горизонте. Во-вторых, декомпозиция эффектов диверсификации выявляет относительную важность различных каналов влияния, дополняя работы [19–20] количественными оценками. В-третьих, идентификация пороговых эффектов вносит вклад в понимание нелинейной природы ресурсной зависимости.

Информация о финансировании. Статья выполнена в рамках грантового финансирования № AP23488322 Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Разработка модели вертикального развития отраслей в контексте преодоления ловушки среднего дохода и ускорения экономического роста в РК».

ЛИТЕРАТУРА

- 1 International Monetary Fund. Spillover implications of the fall in oil prices. Washington, DC: IMF, 2015. (IMF Policy Paper). URL: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2015/060815.pdf> (accessed: 15.02.2025)
- 2 Grigoli F., Herman A., Swiston A. A Crude Shock: Explaining the Impact of the 2014–16 Oil Price Decline Across Exporters. Washington, DC: International Monetary Fund, 2017. DOI: 10.5089/9781484310175.001. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2017/07/18/A-Crude-Shock-Explaining-the-Impact-of-the-2014-16-Oil-Price-Decline-Across-Exporters-44966> (accessed: 15.02.2025)
- 3 Baffes J., Kose M.A., Ohnsorge F., Stocker M. What triggered the oil price plunge of 2014–2016 and why it failed to deliver an economic impetus – in eight charts // World Bank Blogs. 18.01.2018. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/developmenttalk/what-triggered-oil-price-plunge-2014-2016-and-why-it-failed-deliver-economic-impetus-eight-charts> (accessed: 15.02.2025)
- 4 World Bank. Coping with a dual shock: Coronavirus (COVID-19) and oil prices // World Bank Middle East and North Africa. 2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/mena/brief/coping-with-a-dual-shock-coronavirus-covid-19-and-oil-prices> (accessed: 15.02.2025)
- 5 Reuters. How big fossil-fuel-producing countries export emissions abroad. 23.11.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/how-big-fossil-fuel-producing-countries-export-emissions-abroad-2024-11-23/> (accessed: 15.02.2025)
- 6 Shadab S. The New Arab Gulf: Evaluating the Success of Economic Diversification in the UAE // Social Change in the Gulf Region / eds. M.M. Rahman, A. Al-Azm. Cham: Springer, 2023. P. 415–430. DOI: 10.1007/978-3-031-14544-4_20.
- 7 Kabbani N., Ben Mimoun N. Economic diversification in the Gulf: Time to redouble efforts. Doha: Brookings Doha Center, 31.01.2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/economic-diversification-in-the-gulf-time-to-redouble-efforts/> (accessed: 15.02.2025)
- 8 Sachs J.D., Warner A.M. The Big Rush, Natural Resource Booms And Growth // Journal of Development Economics. 1999. Vol. 59. No. 1. P. 43–76.
- 9 Ma X., Feng X., Fu D., Tong J., Ji M. How does the digital economy impact sustainable development? An empirical study from China // Journal of Cleaner Production. 2024. Vol. 434. P. 140079. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.140079.
- 10 Hallam A. The Impact of Economic Diversification in the Gulf Cooperation Council Member States // Innovation and Development of Knowledge Societies. London: Routledge, 2025. P. 73–92.
- 11 Matallah S. Institutions, resources and economic diversification: Evidence from Algeria // Resources Policy. 2020. Vol. 65. Art. 101551.
- 12 Narh J. The resource curse and the role of institutions revisited // Environment, Development and Sustainability. 2025. Vol. 27. No. 4. P. 8187–8207. DOI: 10.1007/s10668-023-04279-6.
- 13 Matallah S. Economic diversification in MENA oil exporters: Understanding the role of governance // Resources Policy. 2020. Vol. 66. Art. 101602. DOI: 10.1016/j.resourpol.2020.101602.
- 14 Lashitew A.A., Ross M.L., Werker E. What drives successful economic diversification in resource-rich countries? // The World Bank Research Observer. 2021. Vol. 36. No. 2. P. 164–196.
- 15 Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. The colonial origins of comparative development: An empirical investigation // American Economic Review. 2001. Vol. 91. No. 5. P. 1369–1401. DOI: 10.1257/aer.91.5.1369.
- 16 Mini L., Moyo C., Phiri A. Governance, institutional quality and economic complexity in selected African countries // International Journal of Economic Policy Studies. 2025. Vol. 19. P. 159–181. DOI: 10.1007/s42495-024-00145-z.
- 17 Hoang D.P., Chu L.K. Progression to Higher Economic Complexity: The Role of Institutions // Journal of the Knowledge Economy. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 4339–4366. DOI: 10.1007/s13132-022-01059-x.
- 18 Ben Saad M., Brahim M., Schaffar A., Guesmi K., Ben Saad R. Economic complexity, diversification and economic development: The strategic factors // Research in International Business and Finance. 2023. Vol. 64. Art. 101840. DOI: 10.1016/j.ribaf.2022.101840.

19 Jamil N., Ahmed J. Natural Resources – Are They a Blessing or Curse? A Systematic Literature Review of Resource-Finance Nexus // Sustainable Development. 2025. DOI: 10.1002/sd.3427.

20 Lacarcel F.J.S., González-Padilla P., Matos N., Correia M.B. Bibliometric measurement of the resource curse and its implication for sustainable development // Resources Policy. 2024. Vol. 89. Art. 104560. DOI: 10.1016/j.resourpol.2024.104560.

ЖҰПАРОВА А.С.,¹

PhD, қауымдастырылған профессор.

e-mail: azizazhuparova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5787-760X

ҚОЖАХМЕТОВА А.К.,^{*2}

PhD, ассистент-профессор.

*e-mail: aselekdream@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3077-2023

ТУРАКУЛОВА Л.Р.,³

Э.ғ.к., аға оқытушы.

e-mail: labara_80.05@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1773-1112

МҰСТАФАЕВА Б.У.,⁴

PhD, қауымдастырылған профессор.

e-mail: bagila.mustafaeva@iuth.kz

ORCID ID: 0000-0002-3992-8119

¹AlmaU университеті,

Алматы қ., Қазақстан

²Қазақстан-Британ техникалық университеті,

Алматы қ., Қазақстан

³Орталық Азия инновациялық университеті,

Шымкент қ., Қазақстан

⁴Халықаралық туризм

және меймандостық университеті,

Түркістан қ., Қазақстан

ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЖӘНЕ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ САПА МҰНАЙҒА ТӘУЕЛДІ ЭКОНОМИКАЛАРДА ӨСУ ФАКТОРЛАРЫ РЕТІНДЕ

Андатпа

Көмірсутектерге жаһандық тәуелділік пен энергетикаға көшудің өсіп келе жатқан сын-қатерлері жағдайында экономиканы әртараптандыру және институционалдық сапа мәселелері мұнай экспорттаушы елдердің тұрақты дамуы үшін шешуші мәнге ие болуда. Бұл зерттеу 1990–2023 жж. аралығында мұнай экспорттаушы он елдің ЖІӨ өсуіне экономиканы әртараптандырудың ықпалын бағалауға бағытталған, бұл институционалдық сапаның реттеуші рөлін есепке алады. Канада, Ирак, Қазақстан, Кувейт, Нигерия, Норвегия, Ресей, Сауд Арабиясы, Біріккен Араб Әмірліктері және Америка Құрама Штаттарына арналған панельдік деректерді пайдалана отырып, талдау эндогенділікті шешу үшін тіркелген әсерлер үлгілері мен динамикалық жүйелі GMM пайдаланады. Нәтижелер әртараптандыру индексінің бір стандартты ауытқуға (0,168) ұлғаюы ЖІӨ өсімін 0,75 пайыздық тармаққа арттыратынын көрсетеді, бұл әсер институттары әлсіз елдерге қарағанда күшті институттары бар елдерде 2,4 есе жоғары. Мұнайға тәуелділіктің шекті деңгейі ЖІӨ-нің 25% деңгейінде анықталды, одан жоғары «ресурстық қарғыстың» жағымсыз салдары басым бола бастайды. Уақыт өте келе талдау әртараптандыру әсерінің уақыт бойынша ұлғаюын анықтады: 1990 жылдардағы 2,134-тен 2020–2023 жылдардағы 5,234-ке дейін, бұл оның жаһандық энергетикалық ауысу контекстінде өсіп келе жатқан маңыздылығын көрсетеді. Әсерлердің декомпозициясы макроэкономикалық құбылмалылықтың төмендеуі жалпы әсердің 35,2%-ын, технологиялық сыртқы әсерлердің 28,7%-ын, адам капиталының дамуы 21,3%-ын және институционалдық жетілдірудің 14,8%-ын құрайтынын көрсетеді. Бұл нәтижелер ресурстарға тәуелділікті жеңу және тұрақты экономикалық өсуді қамтамасыз ету үшін экономикалық реформаларды институционалдық қайта құрумен біріктіру қажеттілігін көрсетеді.

Тірек сөздер: экономиканы әртараптандыру, ресурстық қарғыс, мұнайға тәуелді экономикалар, мұнай экспорттаушы елдер, институционалдық сапа, панельдік талдау, энергияның ауысуы.

ZHUPAROVA A.S.,¹

PhD, associate professor.

e-mail: azizazhuparova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5787-760X

KOZHAKHMETOVA A.K.,^{*2}

PhD, assistant professor.

*e-mail: aselekdream@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3077-2023

TURAKULOVA L.R.,³

c.e.s, senior lecturer.

e-mail: labara_80.05@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1773-1112

MUSTAFAYEVA B.U.,⁴

PhD, assistant professor.

e-mail: bagila.mustafaeva@iuth.kz

ORCID ID: 0000-0002-3992-8119

¹AlmaU University,

Almaty, Kazakhstan

²Kazakh-British Technical University,

Almaty, Kazakhstan

³Central Asian Innovation University,

Shymkent, Kazakhstan

⁴International University of Tourism and Hospitality,

Turkestan, Kazakhstan

ECONOMIC DIVERSIFICATION AND INSTITUTIONAL QUALITY AS GROWTH FACTORS IN OIL-DEPENDENT ECONOMIES

Abstract

Amid global hydrocarbon dependence and the growing challenges of the energy transition, issues of economic diversification and institutional quality are becoming crucial for the sustainable development of oil-exporting countries. This study aims to estimate the impact of economic diversification on GDP growth in ten oil-exporting countries over the period 1990–2023, accounting for the moderating role of institutional quality. Using panel data for Canada, Iraq, Kazakhstan, Kuwait, Nigeria, Norway, Russia, Saudi Arabia, the United Arab Emirates, and the United States, the analysis employs fixed-effects models and dynamic systemic GMMs to address endogeneity. The results show that an increase in the diversification index by one standard deviation (0.168) increases GDP growth by 0.75 percentage points, with the effect being 2.4 times higher in countries with strong institutions than in countries with weak institutions. A threshold level of oil dependence was identified at 25% of GDP, above which the negative consequences of the "resource curse" begin to predominate. A time-lapse analysis revealed an increase in the diversification effect over time: from 2.134 in the 1990s to 5.234 in 2020–2023, highlighting its growing importance in the context of the global energy transition. A decomposition of the effects shows that a reduction in macroeconomic volatility accounts for 35.2% of the total effect, technological externalities for 28.7%, human capital development for 21.3%, and institutional improvements for 14.8%. These results underscore the need to combine economic reforms with institutional transformation to overcome resource dependence and ensure sustainable economic growth.

Keywords: economic diversification, resource curse, oil-dependent economies, oil-exporting countries, institutional quality, panel analysis, energy transition.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.10.2025